

Т.В. ЧУБАРОВА

Патернализм в современном обществе: от продуктовых карточек до безусловного дохода

В статье анализируются вопросы, связанные с использованием идеи патернализма для организации взаимодействия гражданина и общества, дано понимание патернализма в экономической теории, рассмотрены его различные формы, аргументы в поддержку и против патерналистских действий современного государства. Более подробно рассмотрены две возможных формы участия государства в поддержании доходов населения — продовольственные карточки и безусловный доход. Первая — адресная, уже имеет значительную историю, в то время как вторая может стать проявлением нового универсализма и находится на стадии обсуждения и эксперимента. В статье показано, что повышение интереса экономической теории к анализу патернализма обусловлено изменениями происходящими в современном обществе, которые вызывают необходимость поиска соответствующих концептуальных подходов и практических решений.

Ключевые слова: патернализм, патерналистское государство, новый патернализм, продуктовые карточки, безусловный доход.

Идея патернализма имеет долгую историю и достаточно хорошо разработана в общественных науках, прежде всего в философии. Однако в последнее время она получила новый импульс в других областях научного знания, прежде всего в экономике и политологии. Безусловно, возникновение такого интереса не случайно, а связано с социально-экономическими процессами, идущими в современном обществе, объективной необходимостью формирования новой модели государственной социальной политики, поиска ответов на современные вызовы общественного развития, глобализации и т.д. [*Соболева, Чубарова 2016*].

Один из важнейших вопросов современного общества заключается в том, кто должен отвечать за решение проблем граждан, прежде всего социальных. В связи с этим активно развивается, например, идея смешанной экономики благосостояния. В этом контексте возрастает роль государства как координатора усилий различных заинтересованных сторон. Если рассматривать смешанную экономику благосостояния с точки зрения патернализма, то на роль патера претендуют и глава семьи, и работодатель, и государство, и гражданское общество [*Чубарова 2011*].

Чубарова Татьяна Владимировна — доктор экономических наук, заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН. Адрес: Нахимовский просп. 32, Москва 117218. E-mail: t_chubarova@mail.ru

Однако такой подход является “зонтичным”, ибо не отвечает на главный вопрос о том, какова должна быть мера вклада граждан и социальных институтов в развитие общества, где проходят границы их ответственности за себя и за общество в целом. Тем более, что ограничены не только ресурсы, которыми располагает общество, но и возможности их перераспределения. При этом хотелось бы, чтобы сочетание усилий различных заинтересованных сторон было “оптимальным”. Представляется, что именно нарастание уже в XXI веке новых проблем в условиях неспособности мейнстрима экономической теории предложить принципиально новые способы их решения стало стимулом к тому, чтобы старая идея патернализма получила новое звучание. При этом в данной статье патернализм будет рассмотрен прежде всего как патернализм государства – одного из важнейших игроков современного общества.

Патернализм: общее понимание и современная специфика

Можно утверждать, что в научной мысли сложился консенсус по поводу общего понимания патернализма. Так, например, одно из определений, данное “Стэнфордской энциклопедией философии”, гласит, что “патернализм – это вмешательство государства или индивида в действия других лиц против их воли, оправдываемое или мотивированное тем, что такое вмешательство принесет данным лицам пользу или защитит от вреда” (<https://plato.stanford.edu>). Другое определение исходит из того, что патернализм – это вмешательство в свободу действий индивида, оправдываемое причинами, относящимися исключительно к благосостоянию, потребностям, интересам или ценностям человека, которого принуждают [Dworkin 1971, p. 120]. Таким образом, патернализм подразумевает вмешательство третьих лиц в свободный жизненный выбор человека во имя его же блага. Это ставит главный вопрос, известный еще со времен трактата Дж. С. Милля “О свободе” – насколько такое вмешательство оправдано и если да, то в каких формах.

В теории патернализм определяет “правительство как доброжелательного родителя” [Blackburn 2008, p. 270]. Это подразумевает, что между ним и гражданами складываются такие же отношения, как между родителями и детьми, и поэтому те, кто находится у власти, получают и право, и обязанность определять предпочтения тех, кто по ряду причин неспособны осознать свои “истинные интересы”. В области государственной политики патернализм широко используется для обозначения вмешательства государства в принятие гражданами решений по поводу своего благосостояния. Однако в строгом смысле то или иное действие, чтобы считаться патерналистским, должно отвечать определенным условиям: вмешиваться в выбор или возможность человека выбирать; быть направленным на обеспечение его благополучия; и, наконец, осуществляться без согласия соответствующего лица [Dworkin 1972].

В экономической науке с легкой руки мейнстрима понятие “патернализм” обычно трактуется негативно, как вмешательство в процесс свободного выражения предпочтений индивида. Однако, хотя патерналистская политика часто спорна в теории, она широко распространена на практике. Поэтому с легкостью оспаривая патернализм как принцип, его сложно избежать на практике. Представляется, что патернализм имманентно присущ человеческому обществу, причем в любых социально-экономических системах, о чем свидетельствует и сам факт существования такого инструмента принуждения, как государство. Оно имеет власть предпринимать действия по отношению к гражданам, в том числе законодательно, причем подразумевая, что такие действия приносят пользу человеку, группе или всему сообществу.

Поэтому основная проблема заключается не в том, оправдан ли сам патернализм, а в удачности тех или иных патерналистских практик. Именно этому последнее время уделяется большое внимание в научной литературе. В частности, исследователи рассуждают о необходимости формирования критериев определения целесообразности различных форм патерналистского вмешательства. При этом возможны ситуации, когда такие действия оказываются оправданы с точки зрения собственных ценностей

и предпочтений людей, что добавляет вес к их приемлемости, особенно если они не подрывают автономию человека.

Традиционная экономическая теория принимает тот факт, что рыночный механизм не всегда справляется с эффективным распределением ресурсов и поэтому возникает необходимость вмешательства государства. Хотя и оно тоже не свободно от недостатков и в ряде случаев также может привести к неэффективному распределению ресурсов в обществе, соответственно, к потерям в благосостоянии. Отмечается несовершенство демократического процесса и сущность стимулов или, вернее, их отсутствие в деятельности государственной бюрократии, что связывается с отсутствием конкуренции и реального влияния граждан на деятельность государственного сектора. Кроме того, в рамках политического цикла, политики обычно заинтересованы в быстрой отдаче от своих решений, часто в ущерб долгосрочным интересам общества.

Поэтому в последнее время в экономическом дискурсе все больше речь идет о введении в деятельность государственных организаций так называемых механизмов рыночного типа, в том числе квазирынков. Они призваны привести в систему государственного сектора стимулы, обеспечивающие конкуренцию в частном секторе и основанные на идее разделения двух функций – оказания услуг и их финансирования. Государство стало выступать прежде всего в роли покупателя услуг, в то время как в области их предоставления могут участвовать некоммерческие и частные организации, конкурирующие за получение государственного заказа [Чубарова 2016]. Однако при анализе провалов управления нужно помнить, что в ряде областей, где традиционно действует государство, например здравоохранение и образование, цель деятельности – доступ и качество, а не получение прибыли.

Для понимания провалов и рынка, и государства важна проблема информирования. Получение гражданином полной информации – важное условие принятия рационального решения, а ее отсутствие становится основой для применения патерналистских мер. Ведь при отсутствии или неточной информации граждане могут действовать нерационально, во вред своим “истинным интересам”. Хотя и в данном случае ситуация неоднозначна. С одной стороны, люди могут принимать неправильные решения из-за недостатка информации и, соответственно, возможности объективно оценить последствия своих действий. С другой стороны, само государство не всегда точно знает, что происходит в реальности, каковы интересы тех, кого затрагивают принимаемые решения, и, наконец, любые политические решения могут иметь непредвиденные последствия.

В рамках существующей парадигмы в экономической науке, когда признается приоритет рынка, государственный сектор часто определяется как всего лишь его антипод. Однако тут возникает парадокс. Государство должно прежде всего заботиться об удовлетворении коллективных социальных потребностей. Они определяются в ходе общественного развития и политического процесса на основе учета разнообразия социальных и экономических интересов, существующих в обществе, а не через рынок, критерии эффективности которого часто вступают в конфликт с истинно общественными потребностями. В условиях рыночной экономики государственный сектор – важнейшая незаменимая в своей основе область реализации особой системы социальных ценностей, присущих современному обществу. В этом смысле нельзя не согласиться с утверждением Р. Гринберга и А. Рубинштейна о существовании интересов общества, несводимых к потребностям его отдельных членов (см., например, [Гринберг, Рубинштейн 2008]). Однако остается проблема, как такие интересы формируются и выражаются.

Несовершенство политического процесса как механизма выявления предпочтений граждан подвергается критике и относится к провалам государства. Более того, А. Рубинштейн и А. Городецкий выделяют так называемый “патерналистский провал”. Однако, если его и рассматривать в связи с принятием коллективного нормативного решения через политический процесс, то как провал смешанной, а не рыночной

экономики. В этом контексте важно понять, какова связь патернализма с нормативным интересом и его формированием. Как отмечают Рубинштейн и Городецкий, “демократизация коллективных решений, поиск институциональных механизмов, ограничивающих власть большинства, является ключевой задачей для разрабатываемой экономической теории современного государства [Городецкий, Рубинштейн 2017, с. 21]. Однако думается, что современное государство, основанное на представительной демократии, в силу несовершенства политических механизмов на практике выражает интересы элит, то есть меньшинства. Поэтому, возможно, необходим не механизм учета интересов “оппозиционного меньшинства” в парламенте, а создание условий для выражения “истинных интересов” большинства граждан – избирателей.

В связи с пониманием нормативного интереса общества возникает еще ряд сложностей.

Во-первых, использование понятия патера само по себе подразумевает, что то или иное действие осуществляется в интересах “подопечных”, хотя патер может понимать их по-своему. В этом смысле может возникать своего рода свекорыбие патера, то есть преследование им своих интересов, или, возможно, собственное понимание им интересов “детей”. Во-вторых, не всегда ясно, входят ли в сферу ответственности патернализма ситуации, когда человек не способен принять решение или, наоборот, способен, но государство считает его неправильным.

В-третьих, любое ли действие государства следует рассматривать как проявление патернализма? Такой вопрос возникает в связи с тем, что само употребление понятия “патернализм” предполагает действия, которые могут рассматриваться как особенно ограничительные, активно вмешивающиеся в сферу частного выбора граждан.

В настоящее время многие меры государственной политики, предварительно обсуждаются в обществе. С одной стороны, развитие современных информационных технологий позволяет ускорить обмен информацией и проводить голосования в Интернете, с другой – создаются организации гражданского общества, которые если прямо и не влияют на политику, то способствуют формированию общественного мнения. Таким образом, происходит нарушение одного из принципов патернализма, а именно, вмешательство без учета мнения граждан. В этой связи по способу принятия в обществе патерналистских мер можно различить патернализм государства и патернализм гражданского общества.

Следует отметить, что в теоретических подходах выделяются различные виды патернализма. В последнее время стал популярен либертарианский, или новый, патернализм, который достаточно хорошо описан в современной экономической литературе, в том числе его критика последователями традиционного патернализма [Либман 2013]. Он по существу представляет собой патернализм, выросший на почве неолиберализма. С точки зрения методологического индивидуализма патернализм должен быть неприемлем для современного мейнстрима. Однако речь идет не о запрете патернализма как такового, а его формах, когда на первый план выдвигается мягкое регулирование на основе влияния на поведение человека. То есть с течением времени и развитием общества архаичный патернализм постепенно переходит к более тонким, современным формам и “как часть экономической реальности, развиваясь во времени и пространстве, претерпевает институциональную эволюцию, имеющую явно выдержанную либеральную направленность” [Рубинштейн 2016, с. 28].

Объектом нового патернализма становится тот, кто не может преуспеть на рынке, при этом в качестве причины принятия неправильных решений отмечаются внутренние проблемы человека, которому нужно помочь осознать свои интересы. Но парадокс заключается в том, что для превращения граждан в самодостаточных, рациональных субъектов необходимы специальные меры, а для этого требуется участие государства [Wasquant 2009].

Новые патерналисты, таким образом, исходят из того, что пользователи государственных социальных программ не имеют навыков, необходимых для рыночной экономики, и нужны специальные меры чтобы они стали независимыми. Они

подчеркивают возможность позитивных изменений в поведении с помощью правильно организованных социальных программ [Mead 1997]. Государство может и должно использовать свои программы поддержки, чтобы добиться определенного поведения людей в самых разных сферах. В свою очередь, получатель такой помощи должен принять ряд условий и соблюдать определенные нормы поведения, пока участвует в программе. При этом подразумевается, что такие условия направлены на улучшение экономических социальных и гражданских возможностей получателя.

Оценки этой разновидности патерналистского подхода в социальной сфере противоречивы. Критики считают, что предлагаемые меры мягкого регулирования на практике мало чем отличаются от традиционного жесткого патернализма, так же нарушая выбор потребителя, и тем самым сами принципы либерализма [Rebonato 2014]. Однако они могут рассматриваться как более политически привлекательная форма свертывания социальных программ, когда под знаком патернализма принимаются меры, которые направлены не на реальную помощь бедным и улучшение их положения, а на экономию средств путем ограничения круга получателей такой помощи.

Одно из объяснений важности патернализма состоит в том, что действия предпринимаются в интересах самих граждан с целью помочь им избежать системных ошибок (вспомним об ограниченной рациональности, когда реальный выбор может не соответствовать тому, что предсказывает экономическая теория). Реальны и ситуации, когда люди не могут достаточно разумно дисконтировать будущее и, соответственно, перепотребляют в настоящем, а затем бедствуют в более поздние времена [Benartzi, Thaler 1995]. Это ошибки, которые индивид предпочел бы не делать, и поэтому многие граждане не оспаривают вмешательство патера, который освобождает их от необходимости тратить время на выбор.

Однако остается вопрос: является ли патернализм оптимальным решением этих проблем? Среди основных аргументов, которые демонстрируют обосновывание его негативных последствий и для человека, и для общества, критики патернализма отмечают ограничение свободы и ответственности граждан. В частности, патерналистские действия, особенно в случае жесткого патернализма, затрагивают не только тех, чье поведение необходимо скорректировать, но и тех, кто пользуются данным благом разумно (например, запрет на употребление алкоголя).

Другое направление критики патернализма — точно ли государство может определить, в какой мере то или иное действие стоит расценивать как надлежащее или, наоборот, вредное для его граждан? Где тот порог, за которым действия рассматриваются как социально неприемлемые или опасные для здоровья и кто имеет право его определять? Этот вопрос особенно актуален в современном мультикультурном обществе с его различиями в точках зрения на ту или иную проблему, и часто вообще нет единого мнения по поводу того, что чрезмерно или неправильно. Следует признать, что **патернализм не поддерживает многообразие ценностей, а скорее навязывает ценности большинства.**

Нельзя также не учитывать, что в ряде случаев вопросы, попадающие в сферу патернализма, включают субъективные нормативные оценки, отношение к которым может меняться с течением времени; то, что и принимающие решения сами могут страдать теми же когнитивными проблемами, что и рядовые граждане.

Таким образом, в оценке политики государственного патернализма аргументы как “за”, так и “против” достаточно убедительны. Ведь «если правительство не сможет полностью “понять” характер непоседливых людей, экономические аргументы в отношении патерналистской социальной политики оставят их (меры.— Т.Ч.) бесполезными» [Winter 2011, p. 138]. Поэтому, прежде чем осуществить то или иное вмешательство, государство должно тщательно оценить все последствия такого шага для общества как многообразного и постоянно изменяющегося феномена. Основные направления развития патернализма в настоящее время очень хорошо можно проиллюстрировать двумя программами, достаточно разными по идеологии, размаху использования и степени развития, а именно, продовольственные карточки и безусловный доход.

Продовольственные карточки

Продовольственные карточки были знакомы гражданам многих стран в определенные периоды истории. Однако надо различать функции этого инструмента:

- рационирование, когда в условиях физической нехватки продуктов питания необходимо обеспечить доступ к ним всем гражданам;
- стимулирование потребления определенных продуктов, когда у общества есть опасения, что иначе кое-кто столкнется с недостаточным их потреблением, а это неблагоприятно скажется на состоянии их здоровья.

По своей сути продовольственные карточки являются ваучерами, то есть документом, дающим право на доступ к строго определенным благам. В ряде стран они используются в социальной сфере и имеют ряд характерных особенностей. Во-первых, это целевое назначение (указанная в ваучере сумма может быть потрачена только на строго определенные цели). Во-вторых, в ваучере обычно указана конкретная сумма. Причем тут могут быть различные подходы (например, сумма может быть одинаковой для всех или различаться в зависимости от дохода получателя и т.п.).

Одна из причин использования ваучеров – развитие конкуренции в системе квазирынков. Ваучер дает возможность определенного выбора, прежде всего того учреждения, где его можно “отovarить” [Чубарова 2016]. Пример – инициатива начала 2017 г. российского правительства в лице министра промышленности и торговли о решимости ввести в стране продовольственные карточки для оказания продовольственной помощи незащищенным слоям населения. Это связано и с общим ростом числа бедных в стране после 2015 г., и большой долей так называемых “работающих бедных”. Однако сам факт, что такое заявление прозвучало именно из уст министра промышленности и торговли, а не социальной защиты, свидетельствует о рассмотрении данного механизма и как одного из инструментов импортозамещения и повышения спроса на отечественные продукты питания. Иначе было бы логично ожидать отсутствия ограничений по выбору продуктов, которые можно приобретать на карточки. Вспомним также и карту МИР, через которую предполагается реализовывать эту программу.

Следует отметить, что пока в России было только несколько подобных проектов в регионах, но они носили локальный характер. Правда, опросы показывают, что население в основном положительно относится к данной идее. Вместе с тем уже активно обсуждаются и проблемы, которые могут возникнуть при введении новой системы:

- как отследить доход и определить, кого следует отнести к достойным получения продовольственной субсидии, особенно в ситуации широкого распространения теневых доходов;
- как данная программа будет взаимодействовать с другими социальными программами, потребуется ли перераспределение между ними полномочий и средств;
- кто должен финансировать программу – региональные или федеральные власти и за счет каких источников;
- как не допустить коррупцию и злоупотребления в системе.

Напомним, что в настоящее время наиболее известна и хорошо отработана программа продовольственной помощи бедным в США, где впервые продовольственные карточки были введены президентом Ф. Рузвельтом в 1939 г., в 1943 г. программа была свернута из-за финансовых трудностей военного времени, и возобновлена в 1961 г. при Д. Кеннеди. В 2016 г. более 44 млн американцев с низким уровнем дохода получили помощь для приобретения продуктов питания. Средний размер пособия составлял 126 долл. на человека в месяц.

Организация программы неоднократно менялась и в настоящее время реализуется с помощью специальных электронных карточек (ЕВТ). На них ежемесячно перечисляются средства, которые можно использовать в розничных продуктовых магазинах. Программа направлена прежде всего на бедных. Около 93% выплат получают домохозяйства с доходом ниже черты бедности, при этом 42% – домохозяйства, имеющие доход на уровне или ниже половины черты бедности, которая в 2016 г. составила 10 080 долл. для семьи

из трех человек. Вместе с тем 44% проживают в домохозяйствах, получающих доход от занятости. При этом семьи с наибольшими потребностями получают и большие пособия. Около 70% участников программы – семьи с детьми, с престарелыми или инвалидами. При этом программа достаточно гибкая: число получателей варьируется в зависимости от экономической ситуации в стране. После страхования по безработице она наиболее эффективна в обеспечении дополнительной поддержки населения в периоды экономических трудностей. Причем для получения продовольственных карточек граждане должны соответствовать определенным требованиям. Общий доход должен составлять менее 130%, а чистый доход – менее 100% от федерального уровня бедности для семьи из трех человек. При этом общий доход не учитывается для домашних хозяйств, в которые входят лица в возрасте 60 лет и старше и получающие определенные выплаты по инвалидности. Ликвидные активы не должны превышать 2250 долл. США в 2016 г. (3250 долл. США для лиц в возрасте 60 лет и старше или инвалидов) и включают, например, расчетные счета, сбережения, акции и облигации. Стоимость дома и налоговые кредиты в ряде штатов и стоимость всех или основного транспортного средства исключается из проверки активов. Так называемая категориальная принадлежность подразумевает, что получатели определенных видов социальной помощи автоматически становятся участниками программы продовольственных карточек без прохождения процедуры оценки доходов и имущества.

Программа подвергается критике прежде всего за достаточно высокие административные расходы и злоупотребления. Кроме того, она поощряет иждивенчество и зависимость от государства. Так, значительная часть участников (56%) получает карточки более пяти лет, что позволяет сделать вывод о том, что данная программа для многих участников стала не просто временной поддержкой в трудные периоды, а постоянным источником дохода [Tanner 2013]. Таким образом, дебаты о дальнейшем развитии программы все еще продолжаются. Основной задачей становится поиск эффективных путей улучшения доступа к преимуществам программы для тех, кто в ней нуждается, с учетом необходимости решения других задач, таких как преодоление иждивенчества и сокращение мошенничества и т.д.

Безусловный (базовый) доход

Безусловный (базовый) доход (БД) в экономической теории представляет собой определенную сумму, которую государство регулярно выплачивает своим гражданам на индивидуальной основе без каких-либо условий, то есть без оценки имущества или требования работы. По поводу данной идеи следует отметить два интересных момента. Она, с одной стороны, имеет глубокие корни в экономической теории, а с другой – в настоящее время на пути от теории к практике проходит через социальные эксперименты на фоне активных теоретических и политических дебатов.

Термин “базовый доход” появился в середине 1980-х гг. Однако в истории научной мысли можно выделить несколько подходов, которые имеют к ней непосредственное отношение. Обычно ссылаются на Т. Пейна, который в конце XVIII в. считал, что земля принадлежит всем, а богатство, созданное предыдущими поколениями, должно быть разделено между гражданами. В результате каждый имеет право на дивиденд как компенсацию за потерю их естественного наследства из-за введения системы собственности на землю.

Подобные предложения по введению “социального дивиденда”, “государственных бонусов” и “национальных дивидендов” по существу представляют собой не что иное, как БД. Следует отметить активизацию дебатов по этому вопросу в США в 1960–1970 гг. М. Фридмен выступил с предложением о минимальном гарантированном доходе в форме негативного налога на доходы. Дж. Тобин предложил так называемые “демогранты” гарантированной выплаты каждому гражданину в размере тысячи долл. в год. Данный план не предусматривал замены всей системы социальной помощи и страхования, а был направлен на перенастройку системы повышения доходов бедных.

В поддержку идеи гарантированного минимального дохода в своих работах, в частности во втором издании *The Affluent Society*, высказался Дж. К. Гэлбрейт, которого волновал вопрос о сохранении бедности в богатых странах. Он рассматривал такие выплаты как более щедрые и эффективные решение проблемы бедности, считая, что они являются более щедрыми и создают меньше зависимости, чем существующие программы социальной помощи. При этом интересно его замечание о том, что общество должно позволить бедным иметь досуг так же, как и богатым.

В 2006 г. Ч. Мюррей, известный представитель либерализма, предложил отменить все социальные программы, включая Мэдикейд, заменив их ежегодной выплатой в 10 тыс. долл. наличными каждому гражданину США начиная с 21 года [Murrey 2006]. Можно отметить и некоторые модификации данной идеи. Так, известный английский экономист Дж. Аткинсон высказал предложение о том, что условием получения БД может стать не просто гражданство или постоянное место жительства, а участие в жизни общества, под которым он подразумевает различные формы занятости, получение образования, уход за детьми и престарелыми [Atkinson 1996].

Аргументы, высказанные в дебатах по поводу введения БД, можно обобщить следующим образом. Сторонники утверждают, что БД будет способствовать сокращению рабочего времени без ущерба для дохода, поэтому граждане смогут тратить больше времени на другие, значимые для них занятия. На макроэкономическом уровне это приведет к лучшему распределению рабочих мест, поскольку сокращение занятости одних увеличит возможности трудоустройства для тех, кто в настоящее время исключены из рынка труда. Он также будет способствовать улучшению условий труда, так как усилит переговорную позицию работников. Кроме того, БД позволит людям, занимающимся неоплаченным трудом, который хотя и получает все большее распространение, но практически не признается в качестве вклада в экономику, получить некоторое вознаграждение. Поскольку неоплаченным трудом в домашнем хозяйстве занимаются в основном женщины, это станет фактором, повышающим их статус в обществе.

Поскольку схема БД организационно очень проста, она уменьшит бюрократию вокруг государства всеобщего благосостояния. Это сделает его менее сложным и дорогостоящим, снизит злоупотребления в системе, так как БД будет автоматически предоставляться всем гражданам. Более того, он снимет и ловушки бедности, возникающие в ряде социальных программ и ослабляющие стимулы к поиску работы.

БД будет способствовать уменьшению неравенства и обеспечит социальную безопасность для всех граждан. При этом люди, в настоящее время по тем или иным причинам исключенные из социальных программ, автоматически включаются в них. БД также способен укрепить демократию, ибо в условиях, когда будет обеспечен минимальный уровень безопасности, гарантированный всем гражданам, и они меньше времени станут уделять работе, для них открываются возможности более активного участия в политической, социальной и экономической жизни.

Основные аргументы, которые выдвигают противники БД, можно объединить по двум направлениям, а именно, стоимости программы и ее влияния на трудовую мотивацию. БД может дорого обойтись обществу, и не совсем понятно, за чей счет он будет оплачен. Более того, возможно возникновение политического давления с целью увеличения размера платежей. Не исключено, что понадобится положительная дискриминация, так как отдельные граждане объективно имеют больше потребностей и им нужно больше средств. Это, например, люди с ограниченными возможностями, хроническими заболеваниями. БД не будет стимулировать человека к поиску работы, и люди просто не захотят работать. Встает вопрос и о свободе гражданина тратить полученные средства, речь идет прежде всего о “демериторных” товарах.

БД будет и дальше разделять общество, усложняя социальную мобильность. Те, кто благодаря своему социальному статусу и семейному опыту имеют хорошие перспективы получения интересной работы и высоких доходов, станут поддерживать свою трудовую этику, получать образование, наращивать человеческий капитал. В то же время у молодежи из бедных семей не возникнет стимулов к вложению в свое

развитие с тем, чтобы улучшить свою жизнь за счет получения квалифицированной работы. Особенно БД противоречит потребностям общества с быстро растущей иммиграцией. Для социальной интеграции мигрантов требуется больше механизмов, и занятость – один из важнейших.

БД оставляет открытым вопрос о том, почему он должен выплачиваться тем, кто реально в нем не нуждаются. Средний класс, за счет которого будет финансироваться такая программа, но который не получит от нее существенного материального эффекта, вряд ли найдет социально справедливым такое “безусловное” перераспределение. Известно, что крупные программы перераспределения непопулярны среди избирателей, даже среди тех, кто могут извлечь из них выгоду.

Хрестоматийным примером первого в мире практического применения идеи БД стали разработка и внедрение специального фонда, предоставляющего ежегодные дивиденды всем жителям Аляски за счет части доходов от добычи нефти. Он был создан в 1976 г. поправкой к Конституции штата. С момента начала реализации программы в 1982 г. каждый, кто официально проживает на Аляске не менее шести месяцев (в настоящее время их численность составляет около 650 000 человек), ежегодно получает одинаковые дивиденды. Эксперименты с БД проводятся и в других странах, например в Канаде, Финляндии, Нидерландах.

Есть и примеры отказа от БД. Так, летом 2016 г. на референдуме граждане Швейцарии большинством голосов высказались против предложения о введении гарантированного БД для всех, независимо от того, работает гражданин или нет. 77% граждан высказались против, а 23% поддержали эту идею. Швейцария стала первой страной, где было проведено голосование по такому вопросу.

Таким образом, в БД сочетаются две основные цели: сокращение бедности и отказ от работы в качестве определяющей цели жизни. Основной его посыл – улучшение благосостояния бедных. При этом предложение по введению универсального, по сути, подхода по существу означает признание того факта, что адресные программы не выполняют своей функции в полной мере, а наличие оплачиваемой работы в современном мире уже не гарантирует достойного существования для всех.

В то же время БД подразумевает изменение отношения к труду как способа приспособления к широкому распространению в экономике трудосберегающих технологий. Уже сейчас понятно, что развитие искусственного интеллекта, робототехники и других технологий не только повысят производительность труда, но и приведут к исчезновению многих рабочих мест (примером тому могут служить самоходные грузовики).

В результате растут неустойчивость занятости и, соответственно, доходов, а в перспективе и безработица, исчезновение целых сфер ранее привлекательной трудовой деятельности. В этих условиях формируется новый класс, прекариат, характеризующийся временной или частичной занятостью, которая приобретает постоянный и устойчивый характер [*Standing 2012; Standing 2017*]. Эксперты рассматривают БД как потенциальное решение проблема ожидаемой безработицы из-за прогнозируемого увеличения автоматизации работы.

Поэтому система, в которой за счет повышения производительности труда денежные средства будут распределяться между всеми гражданами, независимо от того, работают они или нет, привлекательна. Но ее реализация требует пересмотра традиционных представлений о том, что доход человека должен быть связан с трудовой деятельностью. В обществе, где производительность труда достаточно высока и каждый получает БД, люди предпочитают заниматься тем, что им нравится (в том числе и не работают вообще).

Изменение системы формирования доходов, когда БД будет расти в соответствии с ростом производительности капитала, открывает возможность того, что преимуществами автоматизации начнут пользоваться многие, а не только избранные. В то же время Б. Гейтс полагает, что технологии принесут государствам значительное богатство, однако его следует использовать для финансирования секторов экономики, нуждающихся в работниках, а те, кто потеряли работу из-за автоматизации, могут пройти обучение, чтобы заполнить эти рабочие места.

На патернализм как концептуальную основу государственной политики можно взглянуть с разных точек зрения. В зависимости от задач, стоящих перед обществом, на первый план выдвигаются те или иные аргументы. Возрождение интереса к патернализму в современной экономической науке наводит на серьезные размышления. Причем его риторика сегодня используется по всему идеологическому спектру, включая и его либеральный край. Востребованность патернализма свидетельствует о том, что государство не уходит из социальной сферы, скорее, меняются его задачи и функции. Или, точнее, сохраняются проблемы, решение которых требует государственного участия. В эпоху усиления нестабильности и роста неравенства необходимы новые механизмы обеспечения социальной безопасности граждан, уверенности в будущем, участия в жизни общества, преодоления бедности. Другой вопрос – в чьих интересах действует патерналистское государство и какие механизмы для этого использует.

Рассмотренные в статье две возможные формы участия государства в поддержке доходов населения (продовольственные карточки и безусловный доход), на первый взгляд, различаются достаточно существенно. Первая программа – адресная, уже имеет значительную историю практического применения, в то время как вторая программа, хотя пока и является только предложением, реализация которого находится на стадии эксперимента в некоторых странах, может стать проявлением нового универсализма.

Повышение интереса к БД в настоящее время вызвано рядом причин. Это и рост незащищенности рабочих мест, и значительные расходы, связанные с управлением все более сложными и громоздкими системами социального обеспечения. Есть утверждения, что он более эффективен и справедлив, чем традиционные системы социального обеспечения, что он обеспечит гражданам лучшую защиту в условиях перехода экономики на рельсы автоматизации.

Обе программы, как было отмечено выше, оцениваются достаточно противоречиво. Вместе с тем значение рассмотренных программ гораздо шире: они свидетельствуют о запросе на более серьезные структурные изменения в обществе, причем запрос этот формируется прежде всего сверху. С точки зрения патернализма рассматриваемые программы представляют собой его разные виды. Если продовольственные карточки, на мой взгляд, можно рассматривать в контексте традиционного патернализма, то БД – выражение скорее либертарианского патернализма. При этом перспективное влияние БД гораздо сильнее. По существу, речь идет о принципиальной перестройке современного общества, может быть поэтому он пока внедряется локально как эксперимент.

Вместе с тем новые инициативы, несмотря на кажущуюся привлекательность, вызывают и много вопросов. В частности, нужно определить, что означает сама трудовая деятельность для человека и какова ее роль в обществе. Возможно, нужны решения, связанные с тем, чтобы обеспечить гражданам достойные рабочие места и создать соответствующие стимулы к трудоустройству, а не пытаться решать возникающие проблемы с помощью продуктовых карточек или БД, которые можно рассматривать и как отступные для тех, кто не преуспел в рыночной экономике. Патернализм может сыграть не лучшую службу, став прикрытием для принятия решений, которые на практике не вполне отвечают долгосрочным интересам тех, для кого они принимаются. Поэтому необходимо широкое обсуждение вопроса о том, какое общество нам нужно и на каких принципах оно должно быть основано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Городецкий А. Е., Рубинштейн А. Я. (2017) Некоторые аспекты экономической теории государства: Научный доклад. М.: ИЭ РАН.

Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. (2008) Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М.: ИЭ РАН.

- Либман А. М. (2013) Социальный либерализм, общественный интерес и поведенческая экономика // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 27–39.
- Рубинштейн А. Я. (2016) Социальный либерализм и консоциативный патернализм // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 5–38.
- Рубинштейн А. Я. (2015) Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное. М.: Институт экономики РАН.
- Соболева И. В., Чубарова Т. В. (2016) Социальная политика в России – контуры новой модели. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН.
- Чубарова Т. В. (2016) Конкуренция, квази-рынки и социальная сфера: опыт здравоохранения // *О приоритетах Правительства Российской Федерации в социальной сфере на среднесрочную перспективу. Аналитический вестник Совета Федерации*. № 38 (637).
- Чубарова Т. В. (2011) Социальная ответственность в рыночной экономике: работник, бизнес, государство. СПб.: Нестор история.
- Atkinson A. B. (1996) The Case for a Participation Income // *The Political Quarterly* (Oxford). Vol. 67. No. 1, January–March. Pp. 67–70.
- Benartzi S., Thaler R. H. (1995) Myopic Loss Aversion and the Equity Premium Puzzle // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 110. No. 1. Pp. 73–92.
- Blackburn S. (2008) Paternalism // *The Oxford Dictionary of Philosophy*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Dworkin G. (1971) Paternalism // Wasserstrom R. (ed.) *Morality and the Law*. Belmont (CA): Wadsworth.
- Dworkin G. (1972). Paternalism // *The Monist*. Vol.56. Pp. 64–84.
- Mead L. M. (1997) The Rise of Paternalism // *The New Paternalism: Supervisory Approaches to Poverty*. Washington (DC): Brookings Institution. Pp. 1–38.
- Murray Ch. (2006) *In Our Hands: A Plan To Replace The Welfare State*. Washington (DC): The AEI Press.
- Rebonato R. (2014) A Critical Assessment of Libertarian Paternalism // *Journal of Consumer Policy*. Vol. 37. Issue 3. Pp. 357–396.
- Standing G. (2012) An anniversary note – BIEN's twenty-fifth // *Basic Income Guarantee and Politics: International Experiences and Perspectives on the Viability of Income Guarantee*. R. K. Caputo (ed.) New York: Palgrave Macmillan. Pp. 55–60.
- Standing G. (2017) *Basic Income: And How We Can Make It Happen*. London: Penguin.
- Tanner M. (2013) SNAP Failure The Food Stamp Program Needs Reform // *Policy Analysis*. No. 738, October 16.
- Wacquant L. (2009) *Punishing the Poor: the Neoliberal Government of Social Insecurity*. Durham; London: Duke Univ. Press.
- Winter H. (2011) *The Economics of Excess: Addiction, Indulgence and Social Policy*. Stanford: Stanford Univ. Press.

Paternalism in Modern Society: From Food Stamps to Basic Income

*T.CHUBAROVA**

***Chubarova Tatiana** – Doctor of Sciences (Economy), PhD (Social Policy, LSE), Head, Centre for Economic Theory of Social Sector of Institute of Economy RAS.

Address: 32 Nakhimovsky pr., Moscow 117218 Russian Federation. E-mail: t_chubarova@mail.ru

Abstract

The article analyzes the issues related to the use of the idea of paternalism for the organization of interaction between a citizen and society, provides an understanding of paternalism in economic theory, examines its various forms, arguments in support of and against paternalistic actions of the modern state. Two possible forms of state participation in maintaining the population's income, namely food stamps and

basic (unconditional) income are discussed the former already has a significant history of implementation as a targeted program while the latter can become a manifestation of a new universalism and is now at the stage of discussion and experiment. The article shows that increasing interest of economic theory in the analysis of paternalism is due to social and economic changes in the modern society that call for the search for appropriate conceptual approaches and practical solutions.

Keywords: Paternalism, paternalistic state, new paternalism, stamps, basic (unconditional) income.

REFERENCES

- Atkinson A. B. (1996) The Case for a Participation Income. *The Political Quarterly* (Oxford), vol. 67, no. 1, January–March, pp. 67–70.
- Benartzi S., Thaler R. H. (1995) Myopic Loss Aversion and the Equity Premium Puzzle. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 110, no. 1, pp. 73–92.
- Blackburn S. (2008) Paternalism. *The Oxford Dictionary of Philosophy*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Chubarova T. V. (2016). Konkurentsiya, kvazi-rynki i sotsial'naya sfera: opyt zdravookhraneniya [Competition, quasi-markets and social sphere: healthcare experience]. *O prioritetakh Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii v sotsial'noy sfere na srednesrochnuyu perspektivu. Analiticheskiy vestnik Soveta Federatsii*, no. 38 (637).
- Chubarova T. V. (2011) *Sotsial'naya otvetstvennost' v rynochnoy ekonomike: rabotnik, biznes, gosudarstvo* [Social responsibility in a market economy: employee, business, state]. St.-Petersburg: Nestor Istoriya.
- Dworkin G. (1971) Paternalism. R. Wasserstrom (ed.) *Morality and the Law*. Belmont (CA): Wadsworth.
- Dworkin G. (1972) Paternalism. *The Monist*, vol. 56, pp. 64–84.
- Gorodetskiy A. Ye., Rubinshteyn A. Y. (2017) *Nekotoryye aspekty ekonomicheskoy teorii gosudarstva: Nauchnyy doklad* [Some aspects of the economic theory of the state: A scientific report]. Moscow: IE RAN.
- Grinberg R. S., Rubinshteyn A. Y. (2008) *Osnovaniya smeshannoy ekonomiki. Ekonomicheskaya sotsiodinamika* [The foundations of a mixed economy. Economic sociodynamics]. Moscow: IE RAN.
- Libman A. M. (2013) Sotsial'nyy liberalizm, obshchestvennyy interes i povedencheskaya ekonomika [Social Liberalism, Public Interest and Behavioral Economics]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1. pp. 27–39.
- Mead L. M. (1997) The Rise of Paternalism. *The New Paternalism: Supervisory Approaches to Poverty*. Ed. by Mead L. M. Washington (DC): Brookings Institution, pp. 1–38.
- Murray Ch. (2006) *In Our Hands: A Plan To Replace The Welfare State*. Washington (DC): The AEI Press.
- Rebonato R. (2014) A Critical Assessment of Libertarian Paternalism. *Journal of Consumer Policy*, vol. 37, Issue 3, pp. 357–396.
- Rubinshteyn A. Y. (2016) Sotsial'nyy liberalizm i consotsiativnyy paternalizm [Social Liberalism and Consociational Paternalism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 5–38.
- Soboleva I. V., Chubarova T. V. (2016) *Sotsial'naya politika v Rossii – kontury novoy modeli. Nauchnyy doklad* [Social policy in Russia is the outlines of a new model. Scientific report]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.
- Standing G. (2012) An anniversary note – BIEN's twenty-fifth. R. K. Caputo (ed.). *Basic Income Guarantee and Politics: International Experiences and Perspectives on the Viability of Income Guarantee*. New York: Palgrave Macmillan, pp. 55–60.
- Standing G. (2017) *Basic Income: And How We Can Make It Happen*. London: Penguin.
- Tanner M. (2013) SNAP Failure The Food Stamp Program Needs Reform. *Policy Analysis*, no. 738, October 16.
- Thaler R. H., Sunstein C. R. (2008) *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth and Happiness*. New Haven (CT): Yale Univ. Press.
- Wacquant L. (2009) *Punishing the Poor: the Neoliberal Government of Social Insecurity*. Durham and London: Duke Univ. Press.
- Winter H. (2011) *The Economics of Excess: Addiction, Indulgence and Social Policy*. Stanford: Stanford Univ. Press.